Ю.В. Иванова

ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ (ОЧЕНЬ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

История научного учреждения подобна постоянно движущемуся потоку: он стремится вперед, встречая на пути то препятствия, то благоприятно раскинувшееся ложе, в него постоянно вливаются ручейки – люди, которые привносят свои идеи, свои возможности, осветляя воды потока или же замутняя их. Поток несется далее, из него на берега выносятся какие-то лица, оставаясь в памяти мчащихся далее то в виде портрета в траурной рамке, более или менее кисло-сладкого некролога, то благородным образом в вечной благодарной памяти потомков, а то и все более бледнеющим воспоминанием в памяти лишь ближайших друзей. Поток расширяется, сверкает, вызывает уважение, восхищение, а порой и страх перед его могуществом и вдруг мелеет, теряет силу, превращается в жалкую лужицу, годную к тому, чтобы ее презрительно перешагнули, загнали в дальнюю канаву. Но подспудные силы бурлят в нем, и вот он опять набирает скорость, притоки и ручейки пополняют его, и старые, умудренные превратностями пловцы снова упорно всматриваются в даль. Наука никогда не умирает. Не покидает пловцов надежда оставить в ней свой след – большой волной ее победоносного разлива, струей, сверкнувшей в ее общем потоке или хотя бы блестящим камешком, оставшимся на краю потока.

История учреждений, отдавших свои силы этнографической науке, сложна. В течение второй половины минувшего века главным ее носителем был Институт этнографии Академии наук СССР, основанный 1 февраля 1933 г. Проследить его историю лучше всего по его почтовым адресам: они обозначают не просто местопребывание, но изменявшуюся суть человеческих отношений.

Первый этап – чужие адреса

О первых годах существования московской части Института этнографии СССР я знаю из рассказов его старейших сотрудников.

В довоенные годы единственным академическим этнографическим учреждением был Институт этнографии, составлявший единой целое с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) в Ленинграде. В Москве функционировал неакадемический Центральный музей народоведения; будучи эвакуированным во время войны, он потерял свое помещение и больше не возродился, так что Москва оказалась единственной столицей чуть ли не во всем мире, в которой нет этнографического музея.

В 1943 г., когда большинство сотрудников МАЭ находилось еще в эвакуации, было решено создать московскую часть Института этнографии. Ее создание поручили Сергею Павловичу Толстову. Вскоре Институт этнографии в Москве стал головным учреждением для всего Советского Союза, а ленинградский коллектив, составлявший единый организм с музеем, получил наименование "ленинградская часть".

Толстов начал подбирать сотрудников, обратился к Марку Осиповичу Косвену, тот привел Михаила Григорьевича Рабиновича. В одной из рабочих комнат Фундаментальной библиотеки общественных наук, занимавшей тогда старинное здание на углу ул. Фрунзе и ул. Маркса и Энгельса, поставили письменный стол — это было первое присутственное место института. Постепенно стали формировать коллектив, кое-кого вызвали из эвакуации (в частности Николая Николаевича Чебоксарова).

Вторым местом обитания института оказался кусочек коридора в здании Исторической библиотеки: торцовую его часть с окном отгородили шкафом, повесили этнографическую карту, поставили большой стол.

В 1944—1945 гг. исторический факультет МГУ работал в школьном здании на ул. Малой Бронной (основное здание университета на Моховой пострадало во время войны: в его центральную, парадную часть упала авиабомба). Однажды в коридоре этой школы появилась Елена Ивановна Махова и объявила, что она — лаборант кафедры этнографии и записывает студентов, желающих специализироваться на этой кафедре. Как выбирают специализацию? Каждый — по-своему. Наверное, любой этнограф может рассказать о себе, могла бы сделать это и я, но рассказ мой — об истории института, личные дела тут не при чем. Необходимо, однако, заметить, что очень многих увлекали лекции Сергея Павловича Толстова по общей этнографии, которые он читал для всего курса: вдохновенный вид, прекрасная речь, личная увлеченность предметом — он буквально мысленно погружался в тот мир, о котором повествовал, с его сложным переплетением человеческих отношений, обстановкой повседневной жизни, с заботами и мечтами его обитателей.

Исторический факультет надолго обосновался в двухэтажном особняке по ул. Герцена, 5. Дух прежней загадочной жизни витал в помещениях старинного здания: поднявшись по парадной лестнице, попадали в небольшой зал (в "залу" – сказали бы в старину), стены которого украшала лепнина, из него двери вели в комнаты парадной части дома – под высокими потолками с большими окнами, с пилястрами из искусственного мрамора по стенам. Декан занимал кабинет прежнего хозяина: массивный письменный стол у камина, книжные шкафы, кресла – все из темного дерева, покрыто резным орнаментом; посередине – огромный стол под зеленым сукном, вокруг которого рассаживались участники совещаний. Обширная комната – всегда полутемная, молчаливая, торжественность которой придавали развешенные по стенам портреты знаменитых историков, внушала каждому входившему ощущение значимости и серьезности самого его появления в этих стенах. Вскоре Сергей Павлович был назначен деканом факультета и занял место за старинным столом.

А вокруг бушевала шумная студенческая жизнь. Кафедра этнографии занимала небольшую комнату на втором этаже. Здесь порядок поддерживали две лаборантки – Елена Ивановна Махова и Татьяна Александровна Жданко. Студентов было немного, все хорошо знали друг друга. Преподаватели кафедры были одновременно сотрудниками института, поэтому студенты постоянно бывали на его заседаниях, включались в академическую жизнь, не чувствуя преград.

Заседания институтского коллектива проходили в буфете Исторической библиотеки по вечерам. Мне особенно запомнилось заседание, на котором Борис Федорович Поршнев выступал со своими гипотезами об освоении человеком огня. Будучи признанным специалистом по истории Европы (работал в Институте истории АН СССР), он не был чужд многих проблем этнографической науки, как психолог и социолог размышлял над тем, как изменилась вся человеческая культура в результате освоения и многофункционального употребления огня.

второй адрес: Волхонка, 14

Вскоре институт получил свою площадь — три комнаты в здании Академии наук по адресу ул. Волхонка, 14 (ныне из всех многочисленных тогдашних обитателей этого дома в нем остался только Институт философии). Навеки полюбившееся нам помещение! Первая — проходная — комната служила организационным центром. Там главное место занимала Кира Федоровна Похитонова, она была секретарем директора, заведующей канцелярией, отделом кадров, отделом международных связей, в общем — дирижером всей жизни коллектива. Рядом с ней у окна — машинистка (единственная на весь институт!), напротив — бухгалтер, кассир, завхоз. Слева от первой комнаты находилась дирекция: на главном месте за письменным столом на высоком старинном кресле под портретом Н.Н. Миклухо-Маклая восседал С.П. Толстов, слева и справа от него за небольшими столами помещались заместители — Максим Григорьевич Левин и Иван Изосимович Потехин (он пришел в институт несколько поз-

же – в первые годы Максим Григорьевич был единственным заместителем директора), напротив – ученый секретарь. Долгие годы исполнял эту должность Михаил Григорьевич Рабинович, потом Владимир Иванович Чичеров, пока не защитила кандидатскую диссертацию Татьяна Александровна Жданко и не утвердилась в качестве "хозяйки" на много лет (но это было уже позже, когда институт находился в другом здании).

Направо от проходной комнаты дверь вела в самое большое и универсальное помещение: посередине стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, за которым по очереди заседали сектора (за каждым был закреплен определенный день недели). Один угол комнаты был отгорожен шкафами, в этом закутке располагался склад института (в экспедиции ездили не менее интенсивно, чем ныне, а то и более). У стены – два громоздких шкафа: в одном находилась библиотека института, в другом – архив. Ими ведала Надежда Петровна Дебец, маленький столик которой стоял тут же. Рядом с ним - небольшой стол, символизировавший журнал "Советская этнография". Всеми делами журнала управляла Ольга Антоновна Корбе (позже ей в помощь была взята ее сестра Надежда Антоновна). Толстые книжки журнала выходили четыре раза в год. Удивительно, как справлялась со всем хозяйством одна женщина? При том, что главный редактор журнала С.П. Толстов не мог уделять ему достаточно времени. Наверное, активность проявляли члены редколлегии. Не в правилах журнала было резко вмешиваться в авторский текст (сужу по своим публикациям, которые не подвергались редакторской правке). Обстановку комнаты дополнял столик, за которым сидела м.н.с. сектора фольклора Берта Григорьевна Гершкович. Если прибавить порядочное количество простых стульев, стоявших вдоль стен, то представление об этой комнате будет полным.

Вот так и жили. Помещение казалось вполне достаточным и даже в определенном смысле уютным (своим, обжитым). По крайней мере, в нем прекрасно чувствовало себя вдохновенное племя аспирантов. Кадры института формировались в основном из выпускников истфака: первыми были приняты Зоя Никольская, Илья Гурвич (увы, оба ныне покойные), Лия Зверева, Галина Васильева, Ярослава Смирнова, Абрам Першиц, в следующем году – ныне уже ушедшие в мир иной Маргарита Шмелева, Ирина Золоторевская, Ирина Прокопович (Калоева), Ирина Гроздова, Людмила Старцева (Анохина), Анна Стренина (Смоляк), а также ныне здравствующая Клавдия Козлова. Далее шел мой год – 1946. Среди моих сверстников – Наталья Велецкая, Ольга Гиршфельд (Токарева), Лидия Моногарова, Марина Райт (позже она перешла в Институт Африки, недавно скончалась). Самым ярким был Михаил Владимирович Витов; он рано ушел из жизни, но имя его осталось в истории науки: он был одним из главных разработчиков проблем на стыке этнографии и географии. Все мы обязаны были разбираться в антропологии, но Витов работал в комплексных этнографо-антропологических экспедициях по Русскому Северу весьма Марк Осигович Косвен садел во главе стола, очень живо, с азар.ональноизэфодп

На нашем курсе учился Юрий Валентинович Кнорозов, который позже по какимто причинам несколько отстал от нас. Это была чрезвычайно интересная личность. Ежедневно после занятий в школьном здании на Малой Бронной мы с ним шли пешком до Моховой и он увлеченно рассказывал о египетских письменах. Это было очень интересно, но нельзя же все время говорить об одном и том же! Как-то я резко перевела разговор, оказалось, что он – очень начитанный человек, любит и знает поэзию, темы наших бесед стали разнообразными.

Кнорозов отличался независимым характером, все мог отдать на благо науки. Однажды в 1947 г., находясь на студенческой практике в Средней Азии, он сумел присоединиться к группе паломников, посещавших мазар Шамун-наби на Миздахкане, присутствовать на камлании среднеазиатских шаманов. Как посторонний русский человек сумел завоевать их доверие, остается неразгаданным подвигом истинного этнографа. Бедная руководитель экспедиции К.Л. Задыхина страшно переволновалась, а по возвращении беглеца принялась отмывать его и проглаживать горячим

утюгом его одежду (всем известно пренебрежение дервишей к личной гигиене). Зато впечатления и понимание порядков мусульманских паломников и шаманов осталось навсегда у недисциплинированного студента. Позже он опубликовал добытые сведения в специальной журнальной статье.

Когда Кнорозов заканчивал университет, Сергей Александрович Токарев поддержал его интерес к неразгаданной письменности майя, разрешил посвятить этой проблеме дипломную работу. Педагоги недоумевали: эта тема для диссертации, а не для студенческой работы! Но Сергей Александрович знал, что делал: Кнорозов увлекся проблемой майя на всю жизнь. После окончания университета он поступил на работу в Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ) в Ленинграде, позже перешел в Музей антропологии и этнографии (в аспирантуру будущего знаменитого ученого не взяли из-за того, что во время войны он находился некоторое время на оккупированной территории). Юрий Валентинович распознал загадочные письмена майя! И привез в Москву диссертацию. На ее обсуждении все говорили, что работа "тянет" на докторскую. И вот завершилось тайное голосование, председатель счетной комиссии Георгий Францевич Дебец стал оглашать протокол присуждения степени... кандидата наук. Все в недоумении затихли. Не переведя дыхания, Георгий Францевич стал читать следующий протокол - о присуждении степени доктора (оказывается - таково правило!). Ликованию не было конца. Несколько лет спустя в стенах нашего института с почетом принимали знаменитого Тура Хейердала. Он, среди прочего, сказал, что вряд ли надеется разгадать письменность древних жителей Пасхи, очевидно, Кнорозов справится с этим лучше, и тут же торжественно передал Юрию Валентиновичу свои тетради. Жаль, что болезнь рано унесла в могилу этого незаурядного человека!

В наше время в аспирантуре учился Борис Осипович Долгих; мы знали, что он старше всех, что в Красноярске его ждут жена и две маленькие дочери, но повадкой, чувством товарищества он не отличался от остальных. Я была с ним в очень дружеских отношениях, а позже прониклась симпатией к его милой жене Вере Гордеевне. В этот период поступил в аспирантуру Борис Калоев, донашивавший, как и многие другие мужчины, военную форму, с напряжением вслушивался он в быструю и, наверное, не всегда правильную нашу русскую речь. Возможно, я не вспомнила когото из тогдашних аспирантов (да простится мне такая оплошность!), только хотела подчеркнуть, что все мы были чрезвычайно увлечены своим делом и это очевидно скрепляло дружбу.

Для научной работы секторов хватало материалов. Я участвовала в работе сектора Кавказа. Каждую неделю собирался весь коллектив, включая аспирантов, приглашали гостей из других учреждений. Помню, приходил работавший в другом месте Гарданов (его все называли Валентином Константиновичем, хотя было известно, что его подлинное имя Батраз Амурханович), бывали на заседаниях и другие гости. Марк Осипович Косвен сидел во главе стола, очень живо, с азартом и неизменной доброжелательностью к собравшимся вел научную дискуссию.

Заседания Ученого совета проходили в большом актовом зале, расположенном на втором этаже здания. На них обязаны были приходить все. По вторникам ровно в 14 часов собирался весь коллектив. Директор никогда не опаздывал, и другим не повадно было. Каждую неделю находились поводы для научных разговоров. Заслушивались серьезные научные доклады. Часто присутствовали гости из других республик. Оживленно проходило общение между коллегами. Институт честно и с успехом выполнял свою роль головного учреждения. На Ученом совете заслушивались, в частности, отчеты об экспедиционных поездках, к которым относились весьма ответственно.

Да, экспедиционные выезды составляли значительную часть институтской жизни. Уехавшие очень часто писали письма в Москву: аспиранты – руководителям и почти все — Максиму Григорьевичу Левину; отношения были просто семейные! Каждый год совместно с Институтом археологии устраивались отчетно-экспедиционные сессии, в них участвовали и сотрудники Института антропологии МГУ, ибо тогда царил

принцип единения наук — этнографии, археологии и антропологии: все знали друг друга, разбирались в проблемах смежных наук. К сессии устраивали выставки: каждый экспедиционный отряд получал стенд, на котором размещал фотографии, чертежи, вещи (сбор вещей входил в задачу полевиков), фотографии и рисунки вклеивались в большие альбомы. Оживление царило в зале и около стендов: "Смотрите! Михаил Михайлович Герасимов снова поражает всех новой реконструкцией! А Отто Николаевич Бадер открыл интересную стоянку! А Илья Самойлович Гурвич потешает нас словариком лексики русских людей, с XVIII в. живущих на Камчатке, — ни одно слово не понятно!"

Праздники отмечали все вместе: весь коллектив и приглашенные помещались в той самой большой комнате, где к центральному столу приставляли другие, и все усаживались. На одном из таких совместных застолий я впервые увидела Юлию Павловну Аверкиеву. В какую-то минуту все взгляды обратились к одной стороне стола и раздались возгласы: "Скажите нам что-нибудь!". Поднялась красивая полноватая женщина с черно-бурой лисой на плечах (тогда – признак большого достатка) и произнесла смущенно: "Что я могу сказать? Только то, что очень рада снова оказаться среди вас всех" (она вернулась из-за границы, где находилась с мужем по его делам). "Надолго ли?" - громко спросил Георгий Францевич Дебец. "Надеюсь, навсегда", - был ответ. Больше ее никто не видел в течение долгих лет. В следующий раз я увидела Юлию Павловну после ее возвращения из ссылки (уже в другом помещении института): она сидела рядом с дверью в дирекцию, взволновано вытирала потеющие руки платком, на ней было зеленое шелковое платье, в руках большая белая сумка, на голове по моде того времени две косы уложены коронкой надо лбом. Весь облик выражал напряженное ожидание, а в тщательно подготовленной внешности сквозило что-то жалкое. И вдруг меня поразила мысль, что весь ее туалет с чужого плеча! (позже я прочитала воспоминания артистки Зои Федоровой, которая с горечью вспоминала, что для встречи ее с дочерью надо было принять приличный вид, и известная певица Русланова, раньше нее освободившаяся из заключения, отдала ей свою шубу). Из кабинета директора вышла Кира Федоровна и объявила, что Сергей Павлович сегодня никого принимать не будет (он всегда был трудно доступен для сотрудников!), примет только Юлию Павловну. Стало понятно, что судьба ее решается в хорошую сторону (дальнейшая жизнь Ю.П. Аверкиевой известна: она вступила в КПСС, стала одним из ведущих ученых нашей страны, главным редактором журнала "Советская этнография").

Увы! Из членов нашего коллектива не одна Юлия Павловна подверглась преследованиям. В 1949 г. был арестован и умер в заключении Георгий Александрович Кокиев – видный кавказовед, в институте он заведовал отделом аспирантуры. Дважды была выслана Нина Ивановна Гаген-Торн – прелестная женщина, увлеченный этнограф. Были и другие пострадавшие.

Третий адрес: улица Фрунзе, 10

С Волхонки наш институт в 1948 г. переехал на ул. Фрунзе, 10 – на верхний этаж добротного трехэтажного особняка, нижние помещения которого занимал Институт права АН СССР (он до сих пор находится там). На этот раз мы имели семь комнат, окружавших общий проходной холл (в нем поместился знаменитый стол под зеленым сукном), который был окрещен "аспирантской говорильней"; на стене холла висел обыкновенный телефонный аппарат черного цвета – один на всех, но и это было большим удобством! Впрочем, для самых интересных разговоров обычно выходили на лестничную площадку (тут уже болтовня лилась рекой!), а для наиболее важных и секретных бесед подымались выше – на площадку лестницы, ведшей на чердак.

Вокруг холла комнаты группировались так: снова средоточием деловой жизни была канцелярия с Кирой Федоровной во главе, где помещались все те же службы:

машинистка, бухгалтер, завхоз. Из этой комнаты — дверь в дирекцию с ее привычным расположением четырех столов по периметру. Далее шли непроходные комнаты: небольшая для сектора антропологии, побольше для Хорезмской экспедиции (там все равно скоро стало тесно от обилия ящиков с постоянно увеличивавшимся числом находок), далее — редакционная для журнала и "Кратких сообщений", тут же ютился разраставшийся архив. Следующей комнатой была секторальная, где по очереди заседали коллективы секторов. Самую большую комнату занимала библиотека, она уже выросла до приличных размеров, ее открытые стеллажи занимали все стены. Это была и основная рабочая комната: посещение института теперь стало обязательным, за каждым сотрудником закрепили стол в библиотеке. Точнее — полстола: можно было работать только полдня — либо с 9 час. до 14, либо с 14 до 18. Бывало, углубишься в работу над книгой или рукописью, а перед тобой уже вырастает фигура приветливо улыбающейся Розы Исмагиловой, с которой я делила один стол, — мол, кончай, пришла вторая смена! (позже Роза Нургалиевна перешла на работу в Институт Африки, где трудится до сих пор).

По-прежнему заседания Ученого совета проходили в большом зале, здесь же устраивали остроумные капустники, маскарады и пировали по праздникам. Запомнился мне один из них: в конце застолья появился Михаил Михайлович Герасимов с огромной связкой картонных коробок, в них — торты из мороженого: он только что получил премию (кажется, Сталинскую) за книгу "Восстановление лица по черепу" (М., 1955) и угощал в честь такого события весь коллектив!

Стены зала заседаний видели многое: интересные защиты диссертаций, специальные сессии, посвященные определенным темам, гостей из всех республик. Но тут же случались грустные, я бы сказала даже трагические события. Например, споры о том, кто был Шамиль — борец за свободу кавказских горцев или их угнетатель. В соответствии с установкой тоталитарного режима следовало остановиться на второй версии. И вот были подобраны и подготовлены к публикации все отнюдь не хвалебные воспоминания современников Кавказской войны об этом суровом вожде, силой удерживавшего своих подданных в повиновении. Конечно, Шамиль был строг до жестокости, без этого он не мог бы достичь своей цели, но на волне критики абсолютно упускались из виду запутанность политического момента и чрезвычайная сложность положения самого вождя. Исторический деятель или хорош, или плох — среднего не признавала тогда историческая наука (хотя слов о диалектике, как методе марксистского анализа, произносилось немало по разным поводам).

В какой-то момент была развернута критика национализма, имевшего место в среднеазиатских республиках, что якобы находило выражение в неверной (положительной) оценке эпоса "Манас", который, по мнению тех, кто формулировал "правильные" суждения, восхвалял феодальные порядки. Среднеазиатскими "националистами" были объявлены наши ленинградские коллеги — А.Н. Бернштам и С.М. Абрамзон (вот был простор юмору!), а ведь они каялись, признавали "ошибки"!

Чрезвычайным событием для всех гуманитарных наук была дискуссия по поводу нового учения Н.Я. Марра о формировании языков мира. Сложность заключалась в том, что "марризм" признавался официальной точкой зрения, иные не допускались, а ее противники уничтожались (как это бывало и в других научных кругах, например, среди генетиков, кибернетиков). С.П. Толстов заявлял: "Всякий отход от Марра ведет к расизму, к фашизму!" Что касается лично меня, то "учение о четырех элементах" (из них конструировались основы всех языков) я, считая себя далеко не специалистом, просто отстраняла от своего внимания (как ныне не вникаю в теорию Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова о трех ярусах мирового древа). Для меня гораздо важнее были средиземноморские и кавказоведческие штудии Марра, я увлекалась циркуммедатеранской теорией (до сих пор считаю ее плодотворной). Кроме того, Марр был романтиком, необычайно эмоциональный стиль его текстов не мог не увлекать. И вдруг в 1951 г. некий неизвестный до того Чикобава выступил против учения Марра. Началась яростная дискуссия в открытой печати — на страницах газеты

"Правда". Встречаясь по утрам, мы вместо "здравствуй" спешили задать вопрос: "Ты за кого, за Марра или Чикобаву?" И грянул гром: Сталин выступил в печати в защиту чикобавовой критики Марра! Что тут началось! Наши профессора, столь полные до того достоинства и уверенности в себе, буквально ринулись к кафедрам и трибунам и все как один уверяли, что никогда не верили Марру, наперебой критиковали и высмеивали его учение. Толстову тоже пришлось признавать свои ошибки. И тут он проявил мужество. Дело в том, что в нашем кругу один только профессор Сергей Александрович Токарев не признавал учения Марра; он не спорил, ничего не доказывал, а как-то очень по-будничному говорил: "А я его не понимаю". Толстов злился: "Все идут не в ногу, один Токарев в ногу!" И вот он публично произнес: "Мы все ошибались, один Токарев был прав". Зная амбициозный характер Сергея Павловича, можно понять, чего стоило ему это признание.

В истории нашего института есть "черная" и, на мой взгляд, позорная страница. В 1958 г. вышла книга Токарева "Этнография народов СССР" (на основе его многолетних лекций). Она встретила суровую критику. Было назначено специальное заседание Ученого совета. Каждому сектору давалось задание найти в соответствующей главе книги ошибки. Первой выступала от имени главного сектора института — восточнославянского — Гали Семеновна Маслова. Она выдержала свою речь в строгом академическом тоне. Все остальные выступавшие этого тона не придерживались: возникла самая презренная травля. Сергей Александрович сидел в первом ряду (слух его был слаб), не смотрел на ораторов, взгляд его был упорно направлен в сторону, в окно. Он не возражал, не спорил, тем более не каялся, он молчал, по окончании заседания встал и все так же молча вышел из зала. Он ответил своим оппонентам единственным доступным оружием: работал, выпускал книгу за книгой (чего нельзя сказать о тогдашних хулителях!). Сегодняшним читателям книги невозможно, наверное, понять — что же в ней находили худого?!

Четвертый адрес: ул. Ульянова, 19

Наконец, институт получил собственное обширное помещение по адресу ул. Дмитрия Ульянова, 19. В четырехэтажном доме новой постройки с коридорной системой разместились институты истории, археологии и этнографии. Это было очень удобно: благодаря объявлениям, вывешиваемым в холле при входе, мы могли следить за всем, что происходит в братских институтах, посещать интересные заседания, семинары. Всего этого мы лишились после переезда в наше нынешнее, очень неудобное обиталище по адресу Ленинский просп., 32-а.

Теперь было много рабочих комнат, каждый сотрудник получил персональные стол и стул. Библиотека, правда, оказалась мала, неудобна, читальный зал при ней тесноват, но все же это был уже настоящий библиотечный комплекс. Застучало несколько машинок в машбюро, среди них — с латинским шрифтом, и Валерия Николаевна Друнина стала необходимым соучастником всех публикаций. Устроился в отдельном помещении сектор картографии, разросшийся архив расположился в цокольном этаже, для склада нашлось место в подвале, была оборудована в отдельном помещении фотолаборатория. Пришлось, однако, снимать на стороне комнаты для лаборатории пластической реконструкции, где ученицы и наследницы Михаила Михайловича Герасимова ("герасимиды") продолжали его уникальную деятельность.

Редакция журнала "Советская этнография" изменила свой состав: Толстов, как и прежде, имел мало возможностей заниматься журнальными делами, его два заместителя — А.И. Першиц и Л.Ф. Моногарова — вели всю научную, организационную и финансовую работу. Появились штатные редакторы. Организация дела лежала на заведующей редакцией Елизавете Аркадьевне Гуттерман. Как всякий служащий в те времена, она приходила к началу рабочего дня, перевешивала номерок на табеле, уходила в шесть часов вечера. В редакции всегда было тихо, спокойно, без срывов и авралов. Позже главные редакторы, их заместители, ответственные секретари и за-

ведующие редакцией менялись не раз. Изменялись принципиальные подходы к освещению научных проблем, структура размещения материалов, состав постоянных авторов, уменьшались или даже отменялись полновесные в прошлые времена гонорары. История нашего журнала — это большая глава в истории института, она должна быть написана отдельно.

С момента основания института его деятельность подчинялась одной сквозной идее, общему планированию, единой организации. В 1950-е–1960-е годы стержнем научной жизни было издание многотомной серии "Народы мира". Идея ее создания возникла еще в предвоенные годы, когда Институт этнографии АН СССР находился в Ленинграде. Война помешала ее осуществлению, вновь возродилась эта идея уже в послевоенные годы. Собирание научных кадров и формирование структуры института были продиктованы стремлением иметь в штате специалистов по этнографии всех народов мира. Сектора организовывались по региональному признаку.

Два главных принципа советской школы в этнографии гласили: 1) изучаются все народы, населяющие ойкумену, в том числе те, которые признаются "продвинутыми" в экономическом и политическом отношении, населяющие страны с высоко развитой культурой, 2) каждый народ изучается от самых глубинных стадий этногенеза до состояния сегодняшнего дня. В этих принципах заключалось преодоление жестокого решения печально известного совещания этнографов 1929 г., когда полем деятельности нашей науки были признаны только народы, находящиеся на ранних стадиях исторического развития — так называемые первобытные народы, носители "первобытной культуры".

Принципы – это понятно, а как их осуществлять? Специалисты по народам Азии, Африки, Латинской Америки в общих чертах оставались при своих уже накопленных знаниях и понимании этнических процессов. А что такое этнография европейских народов?

В первые послевоенные годы стали возможны выезды ученых за границу – сначала очень ограниченно, например, Павел Иванович Кушнер посетил несколько европейских стран, археолог А.П. Смирнов, вернувшись из Европы, говорил Толстову: "Вы ищете этнографию в Африке, а ведь она в Европе!". Выезжавших за границу знали в лицо и поименно, как первых космонавтов, их рассказы выслушивались с большим вниманием. (Забегая вперед, отмечу, что с середины 1950-х годов – после XX съезда КПСС, в так называемые хрущевские времена – стали доступны выезды и для рядовых ученых, лично я отправилась за границу в первый раз в 1956 г., в общей сложности мои заграничные командировки насчитываются десятками.)

Постепенно вырисовывались методы и подходы к этнографическому изучению как населения промышленно развитых стран, так и современности во всех регионах мира. Сектор народов Европы был создан в 1943 г., возглавить его было поручено Николаю Николаевичу Чебоксарову, организаторские таланты которого известны. Он быстро вникал в любую научную проблему, обнаруживал самую ее суть, развивал и преподносил собеседникам так живо, как будто размышлял по этому поводу всю жизнь. Оратор он был непревзойденный: мог убедить любого слушателя, поворачивая обсуждаемую тему в разные стороны; на его счет шутили: прокурор и адвокат в одном лице!

В то время Европу понимали в географическом смысле – от Атлантического побережья до Урала. Там выделялся большой остров – восточные славяне (соответствующий сектор назывался то восточнославянским, то славяно-русским), остальное пространство было полем нашей деятельности, где широко "гуляли" чебоксаровские идеи. Постепенно формировался коллектив, не для каждого народа находился специалист, иные "сидели" на двух, даже на трех странах. Нынешним читателям "Народов мира" может показаться странным рассказ о том, с каким трудом создавались эти книги, главы которых расположены по единой схеме, написаны простым ясным языком. Между тем схема обсуждалась неоднократно (я до сих пор с ней не согласна: по-моему, раздел "пища" не попал на нужное место – он должен следовать

сразу после "хозяйства"), надо было не потерять главные сведения и не потонуть во второстепенных. Ныне раздел "Баски" занимает несколько страниц во втором томе "Народов Зарубежной Европы", а между тем я его переписывала пять раз – с начала до конца! – в поисках оптимального варианта. Первый том – "Народы Сибири", перерабатывавшийся неоднократно разными коллективами, вышел в 1956 г. Это был праздник! За ним последовали другие. "Народы Зарубежной Европы" появились в двух томах. Одновременно издавались "Очерки общей этнографии" (пять небольших томиков) для более оперативного использования.

Сектор народов Зарубежной Европы сохранял и позже (с 1957 г. сектором руководил С.А. Токарев) традиции коллективного творчества, создавая тематические серии, охватывавшие этнографию всех европейских народов: "Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы", "Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы", "Брак у народов Зарубежной Европы", "Дети в обычаях и обрядах народов Зарубежной Европы" (второе издание – "Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы"). Но эти работы создавались позже, когда из сектора Европы выделился сектор народов Прибалтики и Поволжья, а "европейцам" была отдана зарубежная тематика.

В "чебоксаровские" же времена прибалтийская и поволжская тематика включались в ведение сектора Европы. Немало кандидатских диссертаций было подготовлено при нашей помощи молодыми коллегами из республик Балтии, немало организовано совместных экспедиций. Чебоксаров сосредоточился на проблемах финноугроведения (публикации, участие в международных конгрессах, выезды в Финляндию и Венгрию и т.д.). В соответствующих томах "Народов мира" и "Очерков" он выступал как соредактор и соавтор вводных статей. Будучи мастером научных обобщений, он очень интересно намечал изопрагмы отдельных элементов культуры, что помогало этнографическому районированию.

В начале 1970-х годов произошло существенное изменение в жизни института: тяжело болел С.П. Толстов (он умер в 1976 г.). Директором был назначен Юлиан Владимирович Бромлей (с 1966 г.), который и ранее не был чужд нашей тематики. Перемены произошли и внешние, и внутренние. Чисто внешние перемены коснулись антуража: убрав лишние стены, оборудовали обширный директорский кабинет, обставленный современнейшей мебелью, отвечавшей международному престижу (старинное кресло Толстова исчезло). Перед кабинетом появилась приемная с секретаршей (в комнату Толстова вела обыкновенная дверь из общего коридора). Заместители директора и ученый секретарь, сидевшие по старинке в одной комнате, получили отдельные кабинеты.

Все это внешние мелочи! Главное заключалось в перемене междисциплинарной ориентации. Оборвалась связь с археологами. Зато установились новые связи — на этот раз с социологами. Юрий Вартанович Арутюнян, сделав однажды интересный доклад, явно пришелся кстати, был принят в штат института. С тех пор социологическое направление стало едва ли не превалировать. Кто решится сейчас затеять разговор о роли огня в развитии человеческой культуры или о чем-либо подобном?!

По-прежнему значительное место в работе коллектива занимала полевая экспедиционная работа. Стала ощутимой потребность в ее централизации и была создана специальная полевая комиссия во главе с Зоей Петровной Соколовой, в середине 1960-х годов ее сменила я. Поэтому считаю нужным рассказать подробнее о деятельности комиссии. Это был чисто организационный орган.

Имелись разные формы организации: иногда создавались большие экспедиции, состоявшие из нескольких отрядов, преимущественно комплексного этнографо-антропологического характера. Некоторые из них работали эффективно (например, киргизская экспедиция под руководством Г.Ф. Дебеца, издавшая несколько выпусков своих "Трудов"), другие оказались просто никчемными. Главной единицей экспедиционного выезда был отряд (индивидуальный выезд отдельного сотрудника причислялся к этой категории).

Я разработала формуляр - небольшой по объему и емкий по содержанию, в котором отражалась деятельность каждого экспедиционного отряда: тема поиска, сроки работы, маршрут, состав отряда, добытые материалы – дневники, тетради, фотопленки, рисунки и т.д. Начальник каждого отряда должен был зарегистрировать все эти материалы у архивариуса - они считались собственностью института (потом их забирали для дальнейшей работы, но в конце концов обязаны были вернуть, как книги из библиотеки). Только три самостоятельно существовавшие архива были вне моего внимания: архивы ленинградской части, Хорезмской экспедиции и отдела антропологии; мне было достаточно устного свидетельства заведующего каждого из этих архивов о том, что материалы сданы в порядке. Основным критерием успешной работы отряда служил научный отчет его начальника (финансовый отчет сдавали в бухгалтерию). Без выполнения этих условий – научный отчет, финансовый, регистрация материалов – отряд не мог выехать в следующем сезоне. Я исполняла обязанности председателя полевой комиссии в течение восьми лет и могу засвидетельствовать, что за этот срок ни один отряд не выехал без выполнения поставленных условий: только такими жесткими правилами можно было справиться с веселой вольницей наших вдохновенных "полевиков"!

Наши штатные фотографы и художники не могли обслуживать все отряды, хотя трудились добросовестно: Георгий Ахиллесович Аргиропуло, начав со штатного фотографа Хорезмской экспедиции, выезжал со многими другими отрядами; Сергей Николаевич Иванов – ас своего дела, умелый участник кочевого быта разбирался в задачах этнографической работы не хуже любого специалиста. Про него говорили, что он объехал нашу страну "от Таймыра до Памира". И все же они не могли присутствовать во всех отрядах. Поэтому нам приходилось включать и посторонних. Приводили их к нам разные пути; некоторые оставались нашими друзьями. Мы даже знали шоферов автобазы Академии наук: кто из них не очень много пьет, ведь от взаимоотношений шофера и начальника отряда во многом зависел успех всего предприятия. Пьющий шофер (так же, как капризный и амбициозный) – это, доложу вам, такая коллизия, источник многих приключений! К чести шоферской братии должна засвидетельствовать, что мне судьба посылала и совсем непьющих ребят, которые хорошо включались в жизнь отряда.

Материальное обеспечение экспедиций целиком лежало на обязанности заместителя директора по общим вопросам. На обширном складе хранилось все необходимое. Дверь на лестничной площадке между первым и цокольным этажами вела во внутренний двор. К ней подруливала большая машина, на борту которой красовалась гордая надпись "Изыскательская", и мы выносили со склада и грузили имущество, начиная от раскладушек, спальных мешков и необходимых канцелярских принадлежностей и кончая кухонной утварью вплоть до последних ложек-плошек. Снабжение продовольствием тоже осуществлялось централизованно. На бензин получали особые талоны (которые далеко не всегда можно было "отоварить" – ужасная морока бывала с этими талонами!).

Надо сознаться, что работа комиссии была трудной, отнимала массу времени и сил: отрядов имелось много, помню один сезон, когда оказалось сформировано и отправлено 50 отрядов! Я надеялась, что установленный мной порядок сохранится и в будущем, что полевая работа останется серьезной частью деятельности института. Увы! Сменившее меня руководство комиссии не намерено было тратить столько же энергии. Составленная мной картотека полевых отрядов более не действовала. Комиссия исключила из круга своих дел ленинградскую часть, аспирантов и стажеров. Жаль... Теперь, кажется, наступает возрождение. Посмотрим.

Пятый адрес: Ленинский проспект, 32-а

Этот адрес символизирует коренные перемены во внутренней и внешней жизни института. В 1991 г. изменилось его название (Институт этнологии и антропологии Российской академии наук), с 1992 г. изменилось наименование журнала ("Этногра-

фическое обозрение"). Разошлись формально с ленинградской частью: все учреждения Академии наук, расположенные в Санкт-Петербурге, стали самостоятельными единицами и переменили названия. Странно мы чувствуем себя, приезжая на берега Невы. Открывая столь знакомую дверь в здании № 3 по Университетской набережной, попадая в давно обжитой вестибюль, мы встречаем вахтера, который, хоть и улыбается приветливо при виде знакомого лица, но говорит сокрушенно: надо оформлять пропуск — вы для нас теперь посторонние! Сколько хожено по этим залам мимо навсегда запомнившихся витрин (я говаривала своим посетителям, указывая на манекены: "Это мои друзья!"), сколько сундуков перерыто в хранилищах музея, сколько интересных разговоров протекало на различных заседаниях, семинарах, в дружеских кругах! Увы! Покорно идем оформлять пропуск, ведь мы теперь "посторонние".

Впрочем, 1990-е годы — это уже не воспоминания, не прошлое, это — настоящее время. Оно займет место в мемуарах поколений, которые следуют за моим. Перед нашей наукой сегодня возникают новые задачи: жизнь землян течет со все более нарастающей скоростью, наши штудии неизбежно сближаются с направлениями смежных наук — социологии, политологии, конфликтологии и т.п. Это как раз и есть те новые включения, которые вливаются в общее движение, меняя и цвет и направление и саму суть мчащегося вперед потока.

Yu.V. Ivanova. From the History of the Institute of Ethnography (Very Personal Recollections)

The Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR was founded on February 1, 1933 in Leningrad, where it had formed a single body with the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). In 1943, when most of the MAE researchers were evacuated, a decision was reached to establish its Moscow branch, which was headed by S.P. Tolstov. Soon the Institute of Ethnography became the main academic institution in the field of ethnography in the USSR. The history of the Moscow branch is recounted, fieldwork organization, interpersonal relations and the atmosphere of research with its both cheerful and sad events are narrated.